

Р
А
С.Т. АКСАКОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ТРЕТИЙ

*

Чкаловская
областная
БИБЛИОТЕКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1956

ЭЛЕГИЯ В НОВОМ ВКУСЕ

Nugae canorae ...

Horat.¹

Молчит угрюмый бор... луч солнца догорает...

Бродящий ветерок в листочках умирает...

С безбрежной высоты

Прохлада снизошла на лоне темноты,

И ночь таинственным покровом

Как тучей облекла природы наготу;

И запад потухал... с мерцанием багровым

Безоблачных небес сливая красоту.

Молчанье мертвое настало,

И тишина на ветвях возлегла.

И ночи божество дремотой оковало

Природу всю — людей, и мысли, и дела.

Как бы окаменев, древ гибкие вершины

Нахмурившись стоят,

И вечно трепетной осины

Листочки, опустясь, недвижимо висят.

Река в родных берегах неслышима катится,

Как будто жизни нет в живых ее струях...

Невидимая тень на дне ее ложится,

Повсюду бродит тайно страх.

С душой отцветшею для милых наслаждений

Как странник сирота — с улыбкой незнаком —

¹ Звучные безделки...

Гораций.

И жизни молодой крылатых обольщений
Утративши зарю... унынием влеком,
Иду бестрепетно под сосен мрачны своды
И там беседую с приветною тоской
Слезой тяжелою (один сей дар природы
Не похищен людей безжалостной рукой),
Слезой тяжелою грудь скорбну омывая;
Воспоминания о бывшем пробуждая,
Лечу в туманну даль, мечтами окрылен...
О сердца радости!.. погибши безвозвратно,
Почто так рано вас лишен?..
Почто ты было так превратно,
О счастье моих весенних дней?..
Едва блеснуло... и сокрылось!..
Погас мгновенный блеск лучей
И солнце радостей навеки закатилось!..
Стеснилась грудь моя... и вдруг как будто сном
Или оцепененьем

Невидимый одел меня крылом.

И внял я тайный глас с безвестным мне веленьем:
«О странник! — он вещал, — воспрянь и ободрись!
О благах временных ты не крушись тоскою!
Там, выше твой удел!.. Туда, туда стремись!
Там обновись ты душою!..
Там вкусишь плод добра из бед!..
Из мрака будет свет!..»

И он умолк... неспавшие открыл я вежды.
Душа присутствием небесного полна...
На ней сиял луч кроткия надежды...
Воззрел — окрест меня страна озарена,
Бор черный — побледнел... и плавала луна
Над мной — и подо мною,

И все вокруг — повторено коварною рекою.
Познал я сладость слез: незримый спутник мой,
Благое провиденье!

Прости младенца дерзновенье,
Посмевшего роптать на тайный промысл твой...

15 Апреля.

* * *

Вот родина моя... Вот дикие пустыни!..
Вот благодарная оратаю земля!
Дубовые леса, и злачные долины,
И тучной жатвою покрытые поля!

Вот горы, до небес чело свое взносящи,
Младые отрасли Рифейских древних гор,
И реки, с пеною меж пропастей летящи,
Разливом по лугам пленяющие взор!

Вот окруженные башкирцев кочевьями
Озера светлые, бездонны глубиной,
И кони резвые, несчетны табунами
В них смотрятся с холмов, любуются собой!..

Приветствую тебя, страна благословенна!
Страна обилия и всех земных богатств!
Не вечно будешь ты в презрении забвенна,
Не вечно для одних служить ты будешь паств.

К ГРИШЕ

Ну, рыбак мой, шевелися
Поскорее, поскорей
И наудить торопись
Огольцов и пескарей!

Там с приветными волнами
Ждет тебя широкий пруд;
Под зелеными кустами
Начинай веселый труд!

Богородское.

1832 г.

* * *

Рыбак, рыбак, суров твой рок;
Ты ждал зари нетерпеливо,
И только забелел восток,
Вскочил ты с ложа торопливо.

Темны, туманны небеса,
Как ситом сеет дождь ненастный,
Качает ветер вокруг леса —
Ложись опять, рыбак несчастный.

ПОСЛАНИЕ К БРАТУ

(Об охоте)

Предвестник осени туманной,
Седой зимы суровый сын,
Печальный гость, никем не жданный,
Губитель красоты долин!
Дохнул мороз — и пожелтели
Одежды рощей и лугов;
Повеял ветер — полетели
Листы увядшие лесов;
Но мы с тобою, брат мой милый,
Мы любим осени приход,
И самый вид ее унылый,
Для нас исполненный красот,
Какую-то имеет сладость!
Не знаю, как ее назвать?..
Она... не веселит, как радость,
Не заставляет горевать,
Она... есть тайна сердца... Полно
Неизъяснимость объяснять;
Без нас любителей довольно
О тайнах сердца толковать!..

*

Охота, милый друг, охота
Зовет нас прелестью своей
В леса поблекшие, в болота,
На серебристый пух степей.

Уж гуси, журавли стадами
Летают в хлебные поля;
Бесчисленных станиц рядами
Покрыта кажется земля.
И вот поднимаются, как тучи,
Плывут к обширным озерам,
Их криком стонет берег зыбучий...
И как он слышен по зарям!
Пруда заливы уток полны;
Одев живой их пеленой,
Они вздымаются, как волны,
Под ними скрытою волной.
Вертятся стаи курахтанов,
Пролетных разных куличков;
Среди осенних лишь туманов
Мы видим их вокруг прудов.
Бекас и гаршнеп, разжиревши,
Забыли быстрый свой полет
И, к кочкам в камышах присевши,
Таятся плотно средь болот.
Товарищ их, летать ленивый,
Погоныш, вечный скороход,
С болотной курицей красивой
В корнях кустов, в топях живет.
Но дупель, вальдшнеп — честь и слава,
Один — болот, другой — лесов,
Искусных егерей забава,
Предмет охотничьих трудов —
Переменяли на отлете
Житья всегдашнего места;
Уж дупель в поле, не в болоте,
А вальдшнеп пересел в куста.
Перепела с коростелями,
Как будто обернувшись в жир,
Под травянистыми межами
Себе находят сытный пир.
Собравшись стрепета стадами,
По дням таятся в залежах,
А в ночь свистящими рядами
Летят гостить на озимях.
По ковылю степей волнистых

Станицы бродят тудаков
Иль роются в местах нечистых
Башкирских старых кочевьев.
Расправив черные косицы,
Глухарь по утренним зарям, —
Нет осторожнее сей птицы, —
Садится сосен по верхам.
И, наконец, друг неизменный,
Стрельбы добыча круглый год,
Наш тетерев простой, почтенный,
Собравшись в стаи, нас зовет.
Черкнет заря — и как охотно
Валят на хлеб со всех сторон,
Насытились — и беззаботно
На ветвях дремлют до полдн!
И на деревьях обнаженных
Далеко видит острый взор,
Как будто кочек обожженных,
Угрюмых косачей сбор!

Надежино, 1823 г. Сентябрь.

ОСЕНЬ

(Брату Аркадию Тимофеевичу, в Петербурге)

Я был в Аксакове, и — грусть
Меня нигде не оставляла;
Мне все тебя напоминало,
Мне дом казался скучен, пуст...
Тебя везде недоставало.
И дружба братская, любовь
Осиротели будто вновь.
Ах! Так ли прежде все бывало?
Бывало, тягостных часов
Холодное сложивши бремя,
Освободившись от оков,
Желанного дождавшись время,
Умы и души обнажив,
Сердце взаимным излианьем
Или о будущем мечтаньем
Мы наслаждались — все забыв.
Сходны по склонностям, по нравам,
Сходны сердечной простотой,
К одним пристрастные забавам,
Любя свободу и покой,
Мы были истинно с тобою
Единокровные друзья...
И вот — завистливой судьбою —
Без друга и без брата я.

Я видел пруд: он в берегах
Отлогих мрачно расстился,
Шумел в иссохших камышах,
Темнел, багровел, волновался,
Так холодно, страшно бушевал;
Небес осенних вид суровый
В волнах свинцовых отражал...
Какой-то мрак печали новой
По пруду томно разливал.
И грустное воспоминанье
Невинных радостей твоих,
Невинной страсти обоих
Мое умножило мечтанье.
Везде я видел все одно;
Везде следы твоей охоты
И дружеской о мне заботы:
Полоев в тинистое дно
Там колья твердою рукою
Глубоко втиснуты тобою,
Уединенные стоят,
Качаясь ветром и волнами...
Красноречивыми словами
Мне о прошедшем говорят.
Лежит там лодка на плотине
В грязи, с изломанным веслом,
Но кто ж на ней поедет ныне
Со мной, трусливым ездоком?
Кто будет надо мной смеяться,
Меня и тешить и пугать,
Со мною Пушкиным пленяться,
Со мной смешному хохотать.
Кто старшим лет своих рассудком
Порывы бешенства смирит
И нежным чувством или шуткой
Мою горячность укротит.
Кто, слабостям моим прощая,
Во мне лишь доброе ценя,
Так твердо, верно поступая,
Кто будет так любить меня!

И ты, конечно, вспоминаешь
Нередко друга своего,
Нередко обо мне мечтаешь!..
Я знаю, сердца твоего
Ни петербургские забавы,
Ни новые твои друзья,
Ни служба, ни желанье славы,
Ни жизни суетной отравы
В забвение не увлекут...
Но годы вслед годам идут,
И, если волей providенья
Мы встретимся опять с тобой... —
Найдем друг в друге измененье.
Следы десницы роковой,
Сатурна грозного теченья,
Увидим мы и над собой.
Прошедшее сокрылось вечно,
Его не возвратит ничто;
И как ни больно, но, конечно,
Все будет то же — да не то.

Кто знает будущего тайны?
Кто знает о своей судьбе?
Дела людей всегда случайны,
Но будем верны мы себе!
Пойдем, куда она укажет,
Так будем жить, как бог велит!
Страдать — когда страдать прикажет,
Но философия нам щит!
Мы сохраним сердца прямые,
Мы будем с совестью в ладу;
Хотя не попадем в святые,
Но все не будем же в аду.

Прости, храни святую дружбу
И братскую ко мне любовь;
Будь счастлив и цареву службу
Начни, благословясь, вновь!
Пиши ко мне, ты очень знаешь,
Как письма дороги твои...

Уверен также, что читаешь
Ты с удовольствием мои!
Да всем, что услаждает младость
Ты насладишься в жизни сей!..
Неукоризненная радость
Да будет спутницей твоей.

1824 г. Ноябрь.

Надежино.

Р. S. Это последнее усилие призвать простившихся со мной
муз!.. Ясно вижу, что мое знакомство с ними кончено, и только
осиротелая братская дружба могла вымолить у них одно мгновение
слабого вдохновения.

ПОСЛАНИЕ В ДЕРЕВНЮ

(к А. Т. Аксакову)

Весна, весна! ты прелесть года,
Но не в столичной тесноте.
Весна на Деме¹, где природа
В первообразной чистоте
Гордится девственной красою!
Где темные шумят леса,
Где воды кажут небеса,
Где блещет черной полосой
Под плугом тучная земля,
Цветут роскошные поля!

О подмосковной я природе
В досаде слушать не могу!..
Засохлой рощей в огороде,
Гусиной травкой на лугу,
Загнившей лужи испареньем
Доволен бедный здесь народ!
И — зажимая нос и рот —
Он хвалит воздух с восхищеньем...
Нет, нет!.. Не там моя весна,
Где топь, песок или сосна!

¹ Дема — река в Оренбургской губернии, около которой места живописные и самые привольные для житья.

В наш дикий край лечу душою:
В простор степей, во мрак лесов,
Где опоясаны дугою
Башкирских шумных кочёвьев,
С их бесконечными стадами —
Озера светлые стоят¹,
Где в их кристалл с холмов глядят
Собравшись кони табунами...
Или где катится Урал
Под тению Рифейских скал!

Обильный край, благословенный!
Хранилище земных богатств!
Не вечно будешь ты, забвенный,
Служить для пастырей и паств!
И люди набегут толпами,
Твое приволье полюбя...
И не узнаешь ты себя
Под их нечистыми руками!..
Сомнут луга, порубят лес,
Взмутят и воды — лик небес!

И горы соляных кристаллов
По тузлукам твоим найдут²;
И руды дорогих металлов
Из недр глубоких извлекают;
И тук земли неистощенной
Всосут чужие семена;
Чужие снимут племена
Их плод, сторицей возвращенный;
И в глубь лесов, и в даль степей
Разгонят дорогих зверей!

Лечу в мой дом, соломою крытый,
Простой, как я в желаньях прост;
Куда, породой знаменитый,
Скучать не придет скучный гость.

¹ Кандра и Каратабынь — прелестные большие и необыкновенно прозрачные озера.

² Тузлук — соленый ключ.

Где с беззаботною душою,
Свободный света от оков

.
Живал я с милою семьею;
Где я беспечно каждый день
Блажил мою богиню — лень!

Ах! если б долга исполнением
Судьба мне не сковала рук —
Не стал бы вечным принуждением
Мрачить и труд мой и досуг.
Мне дико всякое исканье,
Не знал я за себя просить,
Противу сердца говорить,
Томить души моей желанье...
Противны мне брега Невы,
Да и развалины Москвы!

К тебе, о друг и брат мой милый,
Товарищ в склонностях моих,
Которому, как мне, постылы
Столицы с блеском, с шумом их,
К тебе лечу воображеньем:
С тобой сижу, с тобой иду —
Стреляю, ужу на пруду,
Но не делюсь моим волненьем
Ни с кем!.. и спорю о стихах
Да о горячке в головах.

Май, 1830.
Москва.

ПОСЛАНИЕ К М. А. ДМИТРИЕВУ

Обещал писать стихами...¹
Да и жизни уж не рад;
Мне ли мерными шагами
Рифмы выводить в парад?
Стих мой сердца выраженье,
Страсти крик и вопль души...
В нем тревоги и волнение —
И стихи нехороши.

Стары мы с тобой и хворы
И сидим в своих углах;
Поведем же разговоры
На письме, не на словах!
Хороша бывает старость,
Так что юности не жаль:
В ней тиха, спокойна радость,
И спокойна в ней печаль.
Сил душевных и телесных
Благозвучен общий строй...
Много в ней отрад, неизвестных
Даже юности самой!
Но не мне такая доля
Ни болезни, ни года,

¹ Дмитриев писал ко мне три раза стихи, и я обещал.

Ни житейская неволя,
Ни громовая беда
Охладить природы страстной
Не могли до этих пор,
И наружностию ясной
Не блещит спокойный взор!
Дух попрежнему тревожен,
Нет сердечной тишины,
Мир душевный невозможен
Посреди мирской волны!
И в себе уж я не волен.
То сержуся я, то болен,
То собою недоволен,
То бросаюсь на других,
На чужих и на своих!
Раздражительно мятежен
В слабом теле стал мой дух,
И болезненно так нежен
Изошренный сердца слух.
И в мгновениях спокойных
Вижу ясно, хоть не рад,
Сил телесных и духовных
Отвратительный разлад.
Есть, однако, примиритель
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель, —
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мир природы,
Мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И — в свои молодые годы!

Март, 1851.

Москва.

17 ОКТЯБРЯ

(А. Н. Майкову)

Опять дожди, опять туманы,
И листопад, и голый лес,
И потемневшие поляны,
И низкий, серый свод небес.
Опять осенняя погода!
И, мягкой влажности полна,
Мне сердце веселит она:
Люблю я это время года.

Люблю я звонкий свист синицы,
Скрып снегирей в моих кустах,
И белые гусей станицы
На изумрудных озимях.
Люблю я, зонтиком прикрытый,
В речном изгибе, под кустом,
Сидеть от ветра под защитой,
Согретый теплым зипуном —
Сидеть и ждать с терпеньем страстным,
Закинув удочки мои
В зеленоватые струи,
Вглубь Вори¹ тихой и неясной.

¹ Название речки.

Глаз не спускаю с наплавка,
Хоть он лежит без измененья;
Но вдруг — чуть видное движенье,
И вздрогнет сердце рыбака!

И вот он, окунь благородный,
Прельстясь огромным червяком,
Подплыл отважно и свободно,
С разинутым, широким ртом
И, проглотив насадку смело,
Все поволок на дно реки...
Здесь рыбаку настало дело,
И я, движением руки,
Проворно рыбу подсекаю,
Влеку из глубины речной
И на берег ее бросаю,
Далеко за моей спиной.

Но окуни у нас не диво!
Люблю ершей осенний клев:
Берут они не вдруг, не живо,
Но я без скуки ждать готов.
Трясется наплавок... терпенье!
Идут кружочки... пустяки!
Пусть погрузит! Мне наслажденье
Ерша тащить со дна реки:
Весь растопыренный, сердитый,
Упорно лезет из воды,
Густою слизью ерш покрытый,
Поднявши иглы для защиты, —
Но нет спасенья от беды!

Теперь не то. Внезапной хвори
Я жертвой стал. Что значим мы?
Гляжу на берега я Вори
В окно, как пленник из тюрьмы.
Прошло и теплое ненастье,
Сковал мороз поверхность вод,
И грустно мне. Мое участие
Уже Москва к себе зовет.

Опять прости, уединенье!
Бесплоден летний был досуг,
И недоступно вдохновенье.
Я не ропщу: я враг доук.
Прощайте, горы и овраги,
Воды и леса красота,
Прощайте ж вы, мои «коряги»¹,
Мои «ершовые места!»

1857.

С. Абрамцево.

¹ Название места, где берет крупная рыба.

